

Иван Алексеевич Бунин

Личарда

Содержание

#1	0005
Комментарии	0019

Иван Алексеевич Бунин

ЛИЧАРДА

Когда после обедни все сгрудились к подножию амвона маленькой церкви, из купола ее почти отвесно падало на толпу бледное апрельское солнце. Потушенные свечи чадили, в толпе, разнообразно пахнувшей дыханием, волосами и одеждой, стало жарко. Каждому хотелось приложиться поскорее. Низкий и ладный, чернобородый, плешивый мужик, выделявшийся из толпы очень черной сермяжной поддевкой и очень белыми, толсто и аккуратно увязанными онучами, хотел пролезть прежде всех. Но священник, держа медный крест обеими руками, поднял его и смотрел куда-то через головы, а Агафья, чистая, строгая старушка из дворовых, схватила мужика за рукав. Он покраснел, рванулся, что-то заговорил, блестя сердитыми глазами.

— И слушать не хочу, не пуцу не по чину, — ответила Агафья, оттаскивая его в сторону. — Я, брат, к этому глухая.

Мужик долго глядел на нее, и краска стыда, подавленного раздражения не сходила с его лица. Толпа расступилась, — и к кресту осторожно приложился милостивый молодой человек с чрезвычайно нежным румян-

цем, напомаженный, в голубой короткой поддевочке и с дворянским картузом в руке. После него кинулись к священнику без толку, а тот стал совать крест кому попало. Чернобродый мужик приложился все-таки раньше многих и быстро вышел в боковую дверь, за оградой же, надевая шапку, кинулся бежать по сохнувшей дороге сзади барского сада.

Теплое солнце точно щурилось, улыбалось сквозь бледную апрельскую дымку в небе. В голом саду, за соломенным валом, пели дрозды, гудели пчелы, хотя кое-где, среди коричневой листвы, еще серел крепкий горбатый снежок. Агафья вышла из церкви на ту же дорогу, по которой пошел мужик, развязывая носовой платочек с меткой-короной. В платочке были куски просфоры. Она перекрестилась и на ходу стала есть, наклоняясь к ладони, боясь просыпать крошки.

Мужик ждал в конце вала, на пригретой весенней траве. Увидав Агафью, он сдвинул шапку с потного лба и, разбрасывая полы, направился прямо к ней. Агафья в страхе остановилась.

— Ты чему мою девку заучаешь? — спро-

сил он, подходя. — Ты что барину ее подводишь? А?

Агафья хотела что-то ответить, но он сгреб ее за лицо всей пятерней, зажал рот, отламывая голову. Агафья, пытаясь вырваться и крикнуть, стала давиться, пускать слюни.

— Молчи, стерва! — крикнул мужик бешеным шепотом. — Кто ей вчера гостинцев надавал и водкой напоил? Можешь ты такие греховные дела затевать?

Разжав правую руку, он левой схватил ее за шиворот, за темный платок вместе с седыми волосами, нагнул, подставил под ее лицо коленку и крепко ударил об коленку носом. Ноги Агафьи подломились, но, пока она падала, он успел перегнуть ее назад и коротко ткнуть кулаком в зубы. Агафья повалилась, боясь даже плакать. Мужик вытер кулак об изнанку поддевки и, бледный от злобы, задыхаясь, быстро пошел назад. Агафья осталась лежать, слабо и уже притворно охая, сплевывая кровь на зеленую траву, по которой, тихо жужжа, ползали еще сонные пчелы.

Квартировала она у старосты. Староста жил на другом конце деревни, на выезде. Под

голой лозинкой, бросающей чуть заметную тень, у порога кирпичной избы, глядевшей на ровный выгон, на большом камне, накрытом суровой скатертью, пили водку и закусывали ситником с творогом и сметаной двое копачей, окапывавших старостину усадьбу, и хозяйка его, Катерина, с дочерью девкой. Староста был в городе, и копачи, угощая Катерину водкой, говорили лишнее, хохотали. Девка, нарумяненная, в канареечном платье, стояла на пороге; она наелась раньше всех, но не хотела уходить и, тупо улыбаясь, хлопая белыми ресницами, слушала.

Вдруг все смолкли и подняли головы: из-за избы показался сосед, высокий белобрысый малый Гришка. Он вел Агафью, почти тащил ее, маленькую, со включенными седыми волосами, и жмурил глаза от смеха.

— В целости и сохранности! — сказал он, опуская ее под стеной избы на сухую глину. — Сюда, что ль, квартиранку-то вашу определить?

— Да ба-атюшки, кто ж это нос-то ей расшиб? — протянула Катерина, раскрывая и оставляя открытым рот с творогом на языке.

Один из копачей, Демьян, низкорослый, кривоногий, с курчавой серой бородкой и широкоскулый, посмотрел на Агафью, со стоном легшую на глину, бодро играющими глазами.

— Знать, где воевала, — сказал он. — Где воевала, старуха, а?

— Вот тебе и досводничалась! — жалобно сказала Катерина. — Да кто ж это тебя, Петровна? Что ж молчишь?

Гришка, упершись руками в бока, подмигнул и качнул головой в сторону деревни.

— Карпуха Большаков, — прошептал он. — За дочь, верно.

— Значит, ей зеркало теперь надо, — сказал Демьян, рассеянно взглянув в зеленеющее поле, в серебристый блеск пригревающего солнца и на лозинку, на суке которой лежал его армяк. — Дашка! — крикнул он девке, стоявшей на пороге с радостно выпученными глазами. — Беги, соломки принеси, ей струшной умирать будя.

— Ступай скорей, — с притворной строгостью прибавил другой копач, Тит, гнутый, широкоплечий, с волосатым ободранным носом. — Выпей за работу, — обратился он к

Гришке.

Гришка осторожно взял с краями налитый стаканчик.

— Значительная старуха, — сказал он, жмурясь от смеха и вытягивая шею, приготавливаясь пить.

— Старушка дружелюбная, старая барская гнида, верная Личарда[1], — подтвердил Тит, разглядывая чуньки и просторные шерстяные чулки Агафьи. — Здрóрово земляных шмелей послухала!

— Самый разнесчастный человек! — весело прибавил Демьян. — Мы и ей сейчас поднесем... Верная Личарда, выпить хочешь? — крикнул он. — Забудь горе! Не ешь с Фомой, ешь со мной! Захмелеешь, песни зачнешь играть, танцевать пойдешь!

— Что ты ей спокую не даешь, не трожь ее, — сказала Катерина, из приличия нахмуриваясь. — Поднеси, правда. Ей, полегчает.

Демьян налил стаканчик, вынул из него толстым пальцем кусочек пробки и бережно понес Агафье, одергивая короткую рубаху на широком заду и гусем ступая на своих крепких выгнутых ногах. Подойдя, он притопнул

лаптями и затряс портки. Агафья приподнялась, взяла стакан дрожащей рукой, отпила немного, сморщилась, как от уксуса, и, отирая губы, отказалась:

— Нет, не неволь. Не могу.

— Допивай, допивай! — крикнул Демьян. — Никак, нельзя!

Агафья допила и, поправляя платок, сбитый на сторону, опять тихо заплакала, сморкаясь в подол. Дашка подала ей кусок ситника.

Гришка выпил еще, поблагодарил и ушел. Агафья, не поднимая запухших глаз, плакала и ела, а Демьян бодро заговорил, вынимая изо рта трубку:

— Так-то вот и у нас была в селе такая-то Личарда, сводня, греховодница. Взяла и подвела нашему барину одну барышню из города, вроде как в управительницы. Барин у нас никуда, голова толкачом, голая, наденет круглые очки чистый филин, а до женского пола первый любитель. Ну, конечно, и улестил ее, хотел, сказывали, увековечить ее, все именье под нее подписать. А барышня попалась добродушная: развеселая, словоохотливая, так и

распускает глаза на каждое слово. Что ей ни скажешь, на все дивится, радуется: «Да что ты? Да что ты?» Вроде дурочки.

— Видал я ее, — сказал Тит. — Часто, бывало, по селу хаживала, а не то по саду. Возьмет зонтик кружевной, подхватит белую юбочку — наряжалась, правда, хорошо, и юбка вся в кружевцах, — и ходит по дворам, все нет ли больных, спрашивает: «я, говорит, жалостлива и сама из бедного быта...» А то по саду с книжкой ходит. Как захолодает, сейчас в сад. Идет с книжкой, уткнется в нее, глаза вылупит и так и жжет, только листики перевертываются.

— Верно, верно, и до чтения охотница была, — сказал Демьян. — Только приезжает, значит, к барину гость, малый молодой, должно из военных, а может, и служака какой... Человек капризный, тощий, а до баб тоже разбалован, зёл...

— Он самый и есть востряк, — сказал Тит.

— Да. Да и она уж, значит, до мужчин стала распущенная...

— Любила блудничать, — вставила Катерина.

— Любила, — подтвердил Демьян. — Такой уж природе была. А может, и сам барин был стар по этому делу. Вынесут им, бывало, в сад под яблонку ковер, подушки, лежат и читают. Утром на станке на токарном точит всякую пустяковину, кровь себе полирует, после обеда — под яблонку. Она в одну сторону, он — в другую, так и блестит очками из травы, как змей. Покатается, покатается возле ней, да только и всего, только разбередит. А тут кста-ти помоложе подвернулся... Слухай да догадывайся! — весело и бодро сказал он, обращаясь к Агафье. — Дело до хорошего дойдет: «и ему отдалась до последнего дня...»

Он засмеялся, подмаргивая, и продолжал:

— Прекрасно. Значит, занялась она с ним, со служаккой с этим. Идешь мимо саду, глянешь — сидит на скамейке, плачет и платочком кружевным утирается... Потом, глядь, повеселела: махнула, значит, на свою судьбу рукой, на отчаянность пошла. Мы весь сад в ту лето окапывали и все это хорошо видели. Сходбища у них была в самой их заветной беседке. Беседка была прямо хоть круглый год живи: столы, стулицы, чистота, пол под жел-

тую одинарную краску, а по бокам черные камки пропущены. Ну, вот они и повадились туда. Как вечер, как барин в поле, она сейчас проследует в сад, вроде как чтением заниматься, а это и есть самая встреча их. Он, как заяц, прокрадется через задний вал — и к ней... Ну, только и от него она часто в горьких слезах выходила. Капризен был! Иду раз мимо сада, вижу, стоит в своей куртке плетеной, слюнявит платок и к руке, к маслаку прикладывает, а рука в крови, — бывает, упал, содрал на валу. Брюки синие в земле и в листу... «Здравствуйте, говорю, Чеслав Викентьич!» Запустил он меня матерком и залился в бредку...

Агафья, все выжимавшая из глаз слезы, вдруг зарыдала, поднялась и, шатаясь, пошла в избу. Дашка, сидевшая на пороге с широко раскрытыми глазами и раздвинутыми коленками, кинула на нее радостный взгляд, вскопчила и тоже скрылась в сенцах.

— Горе, правда! — сказала Катерина. — Она ей весь нос размял.

Демьян быстро оглянулся.

— Не горе! — быстрым шепотом сказал

он. — Это я ее разжег. Ведь барышню-то она подводила!

— Да что ты! — в один голос воскликнули хозяйка и Тит.

— Сейчас умереть! Ведь она из Голицына?

— Из Голицына, из Голицына, — подтвердила Катерина. — Говорит, к нам на покой удалилась, дома дюже много врагов, завистников нажила.

— Как же, успокоится такая-то! — сказал Демьян. — Я давно об ней наслышан, ведь Голицыно-то от нас пять верст всего. Я ее сразу признал, только говорить не хотел, угостить сулилась...

— Они страшные хитрые черти, эти дворовые, — сказал Тит.

— И, значит, она самая и загубила эту самую барышню? спросила Катерина.

— Говорю же тебе — она, — сказал Демьян. — Она и все дело это совостожила. Да ты погоди, что дальше-то будет! Повалялись они, говорю, в беседке в энтой, отделалась она, идет по дорожке, поет песню, а сама цветы рвет, хоть, правда, дюже глаза опять заплаканы. А барин-то и вот он. Бросил дрожки

за садом и идет прямо к ней с плеткой. Она туда, сюда, обмерла от страха, да так и осталась на месте. Подходит он тут прямо к ней, скидывает с ней косынку кружевную с плеч, рвет, ногами топчет, скидывает брошку, рвет часы золотые на цепочке, зачал и их топтать, только стекла хрустят... Потом за нее принялся: дерет плеткой, и все по морде норовит... Избил как надо, сшиб с ног не хуже старухи этой — и поскорее прочь, домой, чтобы, дескать, от греха уйтить. Прибежал приказчик, кликнул нас, понесли мы ее в контору, а она — безо всяких чувств, лежит, как мертвая, в своем голубеньком платице, в кружевах, и вся лицо тоже вроде как голубая стала, альни нос блестит. Потом призывает барин кучера Никодима и кричит ему с крыльца: «Немедленно свезть ее и этого сукина сына на станцию, отыскать его немедленно, он небось в саду в лопухах хоронится. Брось их где-нибудь в страшную глубину, в пучину-яругу[2]...» Ну, тем же вечером и оттащили ее в телеге на станцию.

— Ужли с любовником вместе? — спросила Катерина.

— Куда тебе! — сказал Демьян, поднимаясь. — Его и след простыл. Ему-то что ж! Он своего добился, обломал ей сучья-ветья, да потуда его и видели.

— Я эту историю тоже слышал, — сказал Тит, выскребывая куском хлеба остатки сметаны из чашки. — Я ее, говорю, сколько раз увидал. Ее Лизаветой звали. Жидкая, праховая бабенка, а ничего все-таки, аккуратная. Я тогда у попа при молотилке служил. Рабочая пора, самый разгар, я сижу погоняю, а старостишкин сынишка, бедовый дьяволенок, все под привод, под лошадей лезет. Раз сказал, два сказал — нейметя. Я соскочил, поймал его да маленько за височки. Он в голос. Гляжу, бежит эта самая барышня, Лизавета, — по дороге возле гумна с собачкой гуляла, — прямо ко мне: «Как вы смеете, кричит, вас к уряднику надо. Надо с детьми гуманно обращаться...» Будь в другом месте, я бы ее кнутом шагахнул.

— Гуманно! — повторил Демьян и засмеялся, снимая с лозинки свой армяк.

Встал и Тит, перекрестился и, поклонившись хозяйке, пошел вслед за Демьяном от-

дышать в ригу. Качая головой, Катерина стала собирать с камня чашки, хлеб, скатерть.

— Мамушка! — крикнула Дашка, выскакивая на порог. — Я боюсь! Она пьяная, на всю избу кричит, волосы с себя дерет...

Катерина, кинув скатерть, вошла в избу. Агафья сидела на лавке и раскачивалась с сиплым воем, глядя, но ничего не видя кровавыми безумными глазами, без платка, с растерзанными седыми волосами, сизая от слез и от натуги.

— Господи, прости меня, окаянную! — сипло вскрикивала она, размахиваясь, широко крестясь и кланяясь двери. — Господи, разрази меня, старую дьяволицу, холопку лютую! Ненавижу вас, мужланы дикие! — завопила она, увидав Катерину. — Ненавижу!!

Не отвечая и улыбаясь, Катерина стала тереть хрен, чтобы привести ее в чувство.

Капри. 27. 1. 1913

Комментарии

Впервые напечатано в газете «Русское слово», М., 1913, № 61.

Примечания

Личарда — персонаж популярной русской народной сказки о Бове Королевиче; верный слуга Бовы.

[^^^]

Овраг, ручей в овраге.

[^^^]